= МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО =

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.01.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-1-307-314

БАГАЕВ Дмитрий Сергеевич,
аспирант 2 курса ФГБОУ ВО РГПУ им. А. И. Герцена,
e-mail: dimabagae@yandex.ru

Научный руководитель:
ТАЛИМОНЧИК Валентина Петровна,
доктор юридических наук,
профессор кафедры международного права
ФГБОУ ВО РГПУ им. А. И. Герцена,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ОПЕРАТОРОВ ЯДЕРНЫХ УСТАНОВОК

Аннотация. *В статье анализируется проблема международной правосубъектности операторов ядерных установок. Рассматриваются основные доктринальные подходы к правосубъектности юридических лиц в международном публичном праве. С использованием методологии научного анализа и синтеза, обосновывается вывод о том, что несмотря на свой уникальный международно-правовой статус, операторы не становятся субъектами международного публичного права и не предоставляют аргументов в пользу признания таковыми юридических лиц в целом. На примере международных конвенций о ядерной ответственности демонстрируется, что прямое возложение абсолютной и исключительной ответственности на оператора через нормы международного права не требует и не порождает его международной правосубъектности. Юридические лица остаются адресатами норм, созданных суверенными субъектами — государствами, и их особый статус носит функциональный, производный характер, служащий для защиты публичных интересов и распределения рисков, не преобразуя их в самостоятельных участников международных отношений.*

Ключевые слова: *международное публичное право, международная правосубъектность, статус юридических лиц, операторы ядерных установок, ядерный ущерб.*

BAGAEV Dmitry Sergeevich,
graduate student of the 2nd year
of FSBEI HE Russian State Pedagogical University
named after A.I. Herzen

Scientific supervisor:
TALIMONCHIK Valentina Petrovna,
Doctor of Law, Professor of the Department of International Law,
FSBEI HE Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

THE PROBLEM OF RECOGNITION OF INTERNATIONAL LEGAL PERSONALITY OF NUCLEAR INSTALLATION OPERATORS

Annotation. *The article analyses the problem of the international legal personality of operators of nuclear installations. It examines the main doctrinal approaches to the legal personality of legal entities in international public law. Using the methodology of scientific analysis and synthesis, the conclusion is substantiated that, despite their unique international legal status, operators do not become subjects of international public law and do not provide arguments in favor of recognizing legal entities as such in general. Using the example of international nuclear liability conventions, it is demonstrated that the direct imposition of absolute and exclusive liability on the operator through international law norms does not require and does not give rise to its international legal personality.*

Legal entities remain addressees of norms created by sovereign subjects — states, and their special status is functional and derivative, serving to protect public interests and distribute risks, without transforming them into independent participants of international relations.

Key words*: international public law, international legal personality, status of legal entities, operators of nuclear installations, nuclear damage.*

Особенности статуса операторов ядерных установок в международном публичном праве могут быть выявлены как в регулятивном аспекте—путем анализа международно-правового регулирования их деятельности, так и в доктринальном аспекте—через определение статуса этих лиц в рамках основных концепций международной правосубъектности. Регулятивная сторона вопроса включает в себя международные договоры, непосредственно устанавливающие для операторов ядерных установок основания, размеры и пределы ответственности [24]. Научно-исследовательский ракурс работы рассматривает потенциальное влияние статуса операторов ядерных установок на разрешение проблемы правосубъектности частных лиц в международном публичном праве.

Вопрос международной правосубъектности остается одним из самых спорных в теории международного права, несмотря на то, что понятие правосубъектности является ее ключевым элементом.

Классическое понимание правосубъектности, основанное на суверенитете субъектов, способности к созданию норм международного права, как минимум усложнилось в XXI веке ввиду существенных изменений в системе международных отношений. Отечественные исследователи, например П.А. Цыганков, констатируют, несмотря на сохраняющуюся ведущую роль государства, определенную девальвацию понятия суверенитета под влиянием заинтересованных частных лиц [11, с. 245-268]. Фиксируется рост влияния негосударственных акторов, в том числе юридических лиц, в международных отношениях. Факт участия новых, несуверенных, субъектов в международных отношениях закономерно ставит вопрос их правосубъектности с точки зрения международного публичного права.

Исторически вопрос международной правосубъектности поднимался в правовой доктрине и международной практике в первую очередь в отношении физических лиц (индивидов) и неправительственных организаций, в результате чего в международном публичном праве сформировался целый комплекс норм о защите прав человека, а в юридической науке появилась обширная область исследований по этой теме.

Статус юридических лиц, к которым относятся и операторы ядерных установок, изучен в гораздо меньшей степени, но число исследований на эту тему постоянно растет. Как правило, отечественные и зарубежные исследователи рассматривают дилемму международной правосубъектности юридических лиц через призму их ответственности в международном праве, оценивая необходимость признания международной правосубъектности юридических лиц для возложения на них ответственности за нарушения норм международного права.

Классического понимания правосубъектности, выработанного еще советской школой международного права (С.Б. Крылов, Д.Б. Левин, Г.И. Тункин, Р.Л. Бобров) [1; 8; 10], придерживались и российские ученые, в частности И.И. Лукашук, Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов [5; 6], С.В. Черниченко. Эти ученые однозначно исключают юридических лиц из числа субъектов права и, следовательно, объектов исследования в рамках международного публичного права. С.В. Черниченко, в частности, последовательно отстаивает сугубо межгосударственный характер международного права, отрицая тем самым возможность появления иных субъектов ответственности в рамках этой правовой системы. Как права, так и ответственность частных лиц в рамках отдельных международных механизмов (например, Европейского суда по правам человека) в таком понимании есть лишь результат волеизъявления государств, создавших такие механизмы. Если нормы международного права не регулируют отношения между частными лицами, то частные лица не могут их нарушить, считает С.В. Черниченко [12, с. 25].

Похожую точку зрения разделяют юристы-исследователи Иэн Браунли, Джеймс Кроуфорд и Джордж Шварценбергер за рубежом [15; 17; 23].

Альтернативная точка зрения, которой придерживаются другие зарубежные исследователи, также исходит из необходимой взаимосвязи правосубъектности и ответственности, полагая, что юридические лица могут обладать «специальной», «функциональной», «ограниченной» (здесь спектр определений достаточно широк, но суть едина), то есть производной от общей, международной правосубъектностью именно в тех сферах, где на них прямо возлагаются международные обязательства (например, в сфере прав человека, в институте ответственности за международные преступления, в рамках норм международного инвестиционного права) и где существуют механизмы для привлечения их к ответственности.

В отличие от последователей классического подхода, другие исследователи, такие как Андреас Циммерманн, Джордан Дж. Пост, Дэвид Кинли говорят о необходимости расширения понятия правосубъектности юридических лиц в международном праве, наделении их специальной правосубъектностью, прежде всего с целью возложения на них международной ответственности за нарушения прав человека.

Проблематику международной правосубъектности юридических лиц в контексте их ответственности также затрагивают в своих работах А.Н. Вылегжанин, Д.К. Лабин, Р.М. Валеев и отмечают фактическое участие юридических лиц в международных отношениях, а также попытки на разных уровнях и в различных областях деятельности разработать непосредственные обязательства или привлечь к ответственности юридических лиц (особенно в области защиты прав человека, международном уголовном праве) [7]. В рамках таких исследований рассматриваются потенциальные механизмы привлечения к ответственности юридических лиц по нормам международного права.

В.П. Талимончик указывает на недостаточность аргументов в пользу признания юридических лиц субъектами международного права ввиду отсутствия «непосредственной» ответственности юридических лиц в международном праве, за исключением ответственности, предусмотренной в международных договорах или сложившейся через механизмы международного гуманитарного права [9].

В изучении вопроса международной правосубъектности юридических лиц также нельзя не отметить значительный вклад таких исследователей, как Хосе Альварес, Карел Карски, Рональд Портман [14; 19; 22].

Что касается международной правосубъектности операторов ядерных установок, то отдельно она практически не исследовалась, хотя операторы всегда упоминаются в ряду других юридических лиц как пример возложения ответственности на юридических лиц на основании норм международного публичного права и, следовательно, представляют естественный интерес для изучения проблем международной правосубъектности, так как с точки зрения некоторых теорий международной правосубъектности операторы могут обладать достаточными признаками правосубъекности, являясь непосредственными адресатами норм международного публичного права.

Некоторые исследователи особо подчеркивают уникальность положения оператора как единственного субъекта ответственности в сфере международного атомного права [18]. Операторы ядерных установок представляют собой тот редкий случай, когда международное публичное право прямо регулирует ответственность юридического лица.

Целью настоящего исследования, осуществляемого с использованием формально-юридического и сравнительно-правового методов, а также научного анализа и синтеза, является выявление особенностей правового регулирования деятельности операторов ядерных установок в международном публичном праве в контексте проблемы международной правосубъектности юридических лиц в целом.

Безаварийная эксплуатация ядерных объектов в мирных целях приносит человечеству множество выгод, обеспечивая долгосрочный и возобновляемый источник энергии, не расходующий природные ресурсы планеты и нейтральный для экологии. В поиске баланса между рисками существенного трансграничного ущерба и преимуществами атомной энергии развиваются нормы международного атомного права, которые формируют особый статус операторов ядерных установок как основного элемента этой отрасли международного права.

«Оператор» в отношении ядерной установки означает лицо, назначенное или признанное отвечающим за ядерную установку государством в качестве ее оператора. На национальном уровне практически всегда это лицо, обладающее соответствующей лицензией регулятора в рамках национального регулирования деятельности в области атомной энергии. Отвечающее за установку государство—договаривающаяся сторона соответствующей конвенции международного атомного права, в пределах территории которой находится эта установка, или, если она не находится в пределах территории любого государства, договаривающаяся сторона, которая эксплуатирует или по разрешению которой эксплуатируется эта ядерная установка.

Как только юридическое лицо национального права государства, присоединившегося к одной из конвенций о гражданской ответственности за ядерный ущерб (в случае Российской Федерации—к Венской конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб в редакции 1963 г.), назначается оператором ядерной установки оно приобретает не только национальный, но и международный статус, определяемый специальными международными договорами, которые содержат комплекс материально-правовых норм, регулирующих ответственность операторов за ядерный ущерб и подлежащих имплементации в национальное законодательство. Таким образом, статус таких юридических лиц определяется нормами международного публичного права, которые имплементируются в соответствующие нормы национального права.

Положение юридических лиц в международном публичном праве было и остается неопределенным, противоречивым, и во многом по причине все еще нерешенной ни в доктрине, ни в практике проблемы международной правосубъектности [22, с. 7-12]. Среди правоведов продолжается дискуссия о том, обладают ли юридические лица международной правосубъектностью и должны ли они ею обладать, чтобы пользоваться правами и нести ответственность в соответствии с международным правом [14; 16; 20; 21]. Несмотря на заметную роль корпоративных образований в круге активных участников международных отношений, в международном праве и исследованиях по-прежнему главенствует традиционный подход, который не рассматривает юридические лица как субъекты международного права [2; 3; 4; 13].

Существование юридического лица в международном праве особенно сложно и противоречиво, учитывая специфику функции юридического лица в праве в целом. Конструкция юридического лица сформировалась в частноправовых отношениях и благодаря своей юридической эффективности со временем распространилась на другие сферы деятельности и отрасли права, но именно в международном праве в полной мере проявились противоречия между сущностью юридического лица и его фактическим или потенциальным статусом.

Различные точки зрения на международную правосубъектность юридических лиц в общем сходятся в том, что единственное последствие, непосредственно вытекающее из международной правосубъектности—это способность нести международную ответственность. Международная ответственность «по своей сути является... вопросом, неразрывно связанным с правосубъектностью во всех её формах» [22].

Поскольку только государства создают нормы международного права, возникающий «время от времени» и в определенных областях международного права, набор прав и обязанностей юридических лиц всегда носит производный и функциональный характер, возникает по воле государств и в том объеме, который устраивает государства.

Признаки международной правосубъектности юридических лиц в основном обнаруживаются в связи с необходимостью возложить на юридическое лицо ответственность, будь то уголовную или материальную, когда деятельность юридического лица выходит за границы государств и затрагивает права и интересы неопределенного круга физических лиц и самих государств. Именно поэтому аргументы в пользу правосубъектности юридических лиц в первую очередь отсылают к отраслям международного гуманитарного, воздушного, морского права, и являются актуальными в том числе для операторов ядерных установок в международном атомном праве.

Однако природа юридического лица и его нацеленность в первую очередь на сферу частных имущественных интересов ставит проблему правосубъектности юридических лиц в международным праве под таким углом: даже если теоретически возможно обосновать международную правосубъектность юридического лица (например, используя аргументы общетеоретического подхода) [6, с. 69], частный интерес, присущий юридическим лицам, является тем ограничителем, который объективно препятствует наделению их правосубъектностью в международном праве. Как справедливо утверждает Хосе Альварес в своем известном исследовании: «вопреки тому, во что, по-видимому, верят многие правозащитники, тем, кто хочет привлечь корпорации к ответственности за нарушения международного права, не следует поспешно желать признания юридических лиц «субъектами» международного права» [14].

Не случайно, и международная практика, и доктрина сопротивляются признанию юридических лиц даже ограниченными или производными субъектами международного права, в отличие, например, от всеобщего признания прав человека.

Таким образом, деликтоспособность юридических лиц оказывается фактически единственным содержанием их международно-правового статуса, когда государства стремятся в некоторых областях международного права отделить собственную ответственность от ответственности юридических лиц. В этом случае никаких отдельных прав и обязанностей, за исключением некоторых норм, непосредственно связанных с институтом ответственности, международное публичное право юридическим лицам не предоставляет. Следует предположить, что в международном праве юридическое лицо продолжает выполнять свою роль юридической фикции, которая необходима для разделения ответственности и рисков между субъектами тех или иных правоотношений.

По такому принципу формируется, в частности, институт гражданской ответственности за ядерный ущерб в атомном праве, когда исключительная ответственность возлагается на операторов ядерных установок, и оператор несет ответственность без вины, по аналогии с нормами национального законодательства об ответственности владельца источника повышенной опасности. Этим международное атомное право отличается, например, от космического права, в рамках которого непосредственно сами государства

несут материальную ответственность за ущерб, причиненный космическими аппаратами. В связи с развитием частной космонавтики, и в этой сфере регулирования не исключено появление частных (юридических) лиц и схожей концепции гражданской ответственности, вменяемой на уровне международного публичного права.

Благодаря прямому вменению ответственности за ядерный ущерб операторам ядерных установок, ограничению их ответственности, а также иным элементам режимов ответственности за ядерный ущерб на основании норм международного права, с точки зрения некоторых теорий международного права (например, функциональный подход или общетеоретическая концепция правосубъектности) операторы могли бы рассматриваться как субъекты международного права (конечно, не полноценные, а «производные», «специальные» или иного рода).

Вопреки такому предположению, на примере операторов ядерных установок мы видим, что международная правосубъектность не является обязательным условием возникновения ответственности на основании норм международного права, и наоборот, возложение ответственности не означает автоматическое возникновение правосубъектности.

Операторы ядерных установок не могут обладать международной правосубъектностью наравне с государствами, международными межправительственными организациями, так как они не участвуют в создании норм международного права, в частности международных конвенций, определяющих их права и обязанности; не несут прямых международных обязательств, обязательства по конвенциям (Венская, Парижская и др.) лежат на государствах-участниках. Государство обязуется перед другими государствами создать в своем внутреннем праве режим, налагающий абсолютную ответственность на операторов, обеспечить финансовые гарантии и предоставить юрисдикцию своим судам, то есть имплементировать сформированный специальный международный режим. Операторы не могут быть стороной в международных спорах: подавать иски против государства в международный суд (например, в Международный суд ООН) на основании конвенции о ядерной ответственности. Споры по толкованию или применению таких конвенций разрешаются только между государствами-участниками.

Любые «права» или «обязанности» оператора, вытекающие из международных конвенций, существуют только при условии имплементации государствами этих конвенции в свое национальное законодательство и создания для них правовой основы внутри национальной правовой системы.

При этом позиция операторов в международном праве не совсем типична для юридического лица. Присоединение государства к конвенциям об ответственности за ядерный ущерб автоматически выводит оператора за пределы национальной системы, наделяя его специфическими правами, обязанностью и ответственностью на уровне международного права, даже если он не ведет деятельность с иностранными контрагентами или за пределами государства. Конвенции прямо устанавливают материально-правовые нормы об ответственности. Статус оператора ядерной установки определяется специальным международно-правовым режимом, который создается методом, не характерным для типичного международного регулирования деятельности юридических лиц национального права. Специальный режим существования операторов ядерных установок в международном праве можно определить как автономный (или «гибридный») международный компенсационный режим, главной целью которого является защита общества и потерпевших от катастрофических последствий ядерных аварий, способствование развитию ядерной энергетики через защиту операторов и поставщиков, и обеспечение трансграничной компенсации. Этот публичный интерес (безопасность, экология, энергетическая политика) достигается через частноправовой механизм гражданской ответственности за ядерный ущерб.

В результате положение операторов ядерных установок как юридических лиц определяется нормами международного публичного права и характеризуется следующими особенностями:

Во-первых, операторы несут абсолютную ответственность.

Оператор несет ответственность за сам факт ядерного инцидента и причиненный ущерб, независимо от наличия вины или небрежности (принцип «no-fault liability»).

Признание абсолютной ответственности стимулирует проявление особой осторожности при деятельности, связанной с эксплуатацией источника повышенной опасности, и дает потерпевшей стороне возможность получить возмещение, не опровергая доводов, приводимых в свое оправдание причинителем вреда. Последнее чрезвычайно важно для потерпевшей стороны, так как при повышено опасной деятельности, и особенно настолько технологически сложной как ядерная энергетика, эксплуатант всегда мог бы найти доводы для объяснения своей невиновности.

Во-вторых, ответственность оператора носит исключительный характер.

Ответственность сосредоточена только на операторе ядерной установки. Целью такого

регулирования является упрощение процесса получения компенсации для потерпевших (они предъявляют иск только к оператору) и защита других лиц (например, поставщиков оборудования/топлива) от предъявления требований потерпевших, что стимулирует развитие ядерной отрасли во всем мире, с одной стороны ограждая участников ядерных проектов от непредсказуемых рисков, и обеспечивая единый центр страхования рисков (в лице оператора) для страховой отрасли, с другой стороны.

В-третьих, операторы предоставляют финансовые гарантии и их ответственность ограничивается по сумме.

Оператор обязан иметь финансовое обеспечение (обычно страховку или гарантии государства) на установленную международными конвенциями максимальную сумму ответственности, что обеспечивает готовность и доступность средств для оперативной выплаты компенсаций в случае нанесения ущерба и одновременно защищает оператора от банкротства из-за катастрофических (при отсутствии ограничений) выплат.

Если суммы компенсации по конвенциям недостаточно для покрытия ущерба, государство, в юрисдикции которого находится оператор, обязано вмешаться и обеспечить дополнительную компенсацию до определенного предела, что призвано гарантировать адекватную компенсацию в случае крупных аварий.

Иски о компенсации подаются исключительно в суды государства, где произошел ядерный инцидент. Данная императивная процессуальная гарантия для потерпевших необходима для концентрации всех исков в одной юрисдикции, во избежание противоречивых решений различных судов.

Устанавливаются специальные, обычно более длинные, сроки исковой давности (от 10 лет с момента инцидента, а для смерти и телесных повреждений—30 лет с момента инцидента, но с уведомлением в определенный срок после обнаружения ущерба).

Таким образом, оператор ядерной установки является примером прямого возложения ответственности на юридическое лицо через нормы международного публичного права без наделения такого лица международной правосубъектностью. В контексте проблемы международной правосубъектности статус операторов ядерных установок ставит под сомнение возможность наделить субъектностью то или иное лицо в международном праве на основании лишь адресованного ему набора прав и обязанностей или же возложенной на такое лицо ответственности на основании норм международного публичного права. Подобные нормы создаются только государствами и межправительственными организациями в рамках их полномочий, то есть классическими субъектами МПП и без их участия, силами иных лиц, участвующих в международных отношениях, нереализуемы. При этом целеполаганием такого международного правотворчества ни в одном из случаев не является формирование новых субъектов международного права, а лишь защита интересов самих государств и их граждан через специальные юридические инструменты, например через институт гражданской ответственности юридических лиц в атомном праве. Юридические лица при этом продолжают выполнять свою функцию, присущую им в национальном правопорядке, то есть обособление имущества, обязательств, ответственности, если такой подход признан рациональным и приемлемым для государств в той или иной сфере регулирования, чаще всего—когда возможные последствия регулируемой деятельности затрагивают неопределенный круг лиц.

Если международная правосубъектность юридических лиц не возникает только лишь в силу наличия норм МПП, регулирующих их деятельность и ответственность, дальнейшая расширительная трактовка международной правосубъектности этих лиц вряд ли может быть продуктивна как в теории, так и на практике. Как следствие, за рамками подобной трактовки не классические субъекты МПП превращаются лишь в исполнителей воли государств посредством норм международного права, а не самостоятельных участников международного сообщества. При этом нет оснований отрицать, что теоретически государства как суверенные субъекты международного права вправе и в состоянии сформировать любой возможный перечень лиц международного права, подробно урегулировав вопросы правосубъектности таких лиц, и даже могут признать таких лиц равными себе, если бы это отвечало (или когда будет отвечать) интересам самих государств.

Список литературы:

[1] Бобров Р. Л. Современное международное право: объективные предпосылки и социальное назначение. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. – 227 с.

[2] Игнатенко Г. В., Лихачев М. А. Размышления о современной концепции международной правосубъектности индивида // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 4. – С. 200–212.

[3] Ковлер А. И. Антропология права: учебник для вузов. – М.: Норма, 2002. – 480 с.

[4] Кожеуров Я. С. Проблема международной правосубъектности индивида: дис. канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 2001. – 187 с.

[5] Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 432 с.

[6] Международное право: учебник / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 784 с.

[7] Международное экономическое право: учебное пособие / под ред. А. Н. Вылегжанина. – М.: КНОРУС, 2016. – 592 с.

[8] Семенов В. С., Фельдман Д. И., Левин Д. Б. Основные проблемы современного международного права / под ред. Д. А. Гайдукова. – М.: Госюриздат, 1958. – 358 с.

[9] Талимончик В. П. Проблема ответственности юридических лиц в международном праве // Журнал международного частного права = Journal of International Private Law. – 2010. – № 4 (70). – С. 3–17.

[10] Тункин Г. И. Теория международного права. – М.: Международные отношения, 1970. – 512 с.

[11] Цыганков П. А. Теория международных отношений: учебное пособие. – М.: Гардарики, 2006. – 590 с.

[12] Черниченко С. В. Теория международного права: в 2 т. Т. 1. – М.: НИМП, 2019. – 525 с.

[13] Черниченко С. В. Еще раз о международной правосубъектности индивидов // Московский журнал международного права. – 2005. – № 4. – С. 11–21.

[14] Alvarez J. E. Are Corporations “Subjects” of International Law? // Santa Clara Journal of International Law. – 2011. – Vol. 9. – Iss. 1. – P. 1–45. – URL: https://digitalcommons.law.scu.edu/scujil/vol9/iss1/1 (дата обращения: 17.12.2025).

[15] Brownlie I. Principles of Public International Law. 7th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 784 p.

[16] Chetail V. The Legal Personality of Multinational Corporations, State Responsibility and Due Diligence: the Way Forward // Privatizing War. Private Military and Security Companies under Public International Law / Ed. by L. Cameron, V. Chetail. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – P. 68–95.

[17] Crawford J. State Responsibility: The General Part. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 762 p.

[18] Fitzmaurice M. International Responsibility and Liability // The Oxford Handbook of International Environmental Law / Ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 1010–1035. – URL: https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199552153.013.0044 (дата обращения: 30.11.2025).

[19] Karski K. Osoba prawna prawa wewnętrznego jako podmiot międzynarodowego. – Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2009. – 239 s.

[20] Lowe V. Corporations as International Actors and International Law Makers // The Italian Yearbook of International Law. – 2004. – Vol. 14. – P. 23–38.

[21] Nowrot K. New Approaches to the International Legal Personality of Multinational Corporations: towards a Rebuttable Presumption of Normative Responsibilities // ESIL 2018 Annual Conference (Manchester). – URL: https://esil-sedi.eu/wp-content/uploads/2018/04/Nowrot.pdf (дата обращения: 30.11.2025).

[22] Portmann R. Legal Personality in International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 333 p.

[23] Schwarzenberger G. A Manual of International Law. 5th ed. – London: Stevens & Sons, 1967. – 552 p.

[24] Об ответственности перед третьей стороной в области ядерной энергии [международный договор]: Конвенция (Париж), 29.07.1960 г.; О гражданской ответственности за ядерный ущерб [международный договор]: Конвенция (Вена), 21.05.1963 г.; О дополнительном возмещении за ядерный ущерб [международный договор]: Конвенция (Вена), 12.09.1997 г.

References:

[1] R. L. Bobrov. Modern international law: objective prerequisites and social purpose. - L.: Publishing House of Leningrad University, 1962. - 227 s.

[2] Ignatenko G.V., Likhachev M.A. Reflections on the modern concept of the international legal personality of an individual//News of higher educational institutions. Jurisprudence. – 2010. – № 4. - S. 200-212.

[3] Kovler A.I. Anthropology of law: a textbook for universities. - M.: Norma, 2002. - 480 s.

[4] Y. S. Kozheurov. The problem of the international legal personality of an individual: dis. cand. jurid. Sciences: 12.00.10. - M., 2001. - 187 s.

[5] Lukashuk I. I. International law. General part: textbook. - M.: Wolters Kluver, 2007. - 432 s.

[6] International law: textbook/rev. ed. G.V. Ignatenko, O.I. Tiunov. - M.: Norm: INFRA-M, 2017. - 784 s.

[7] International economic law: a textbook/ed. A. N. Vylegzhanina. - M.: KNORUS, 2016. - 592 s.

[8] Semenov V. S., Feldman D. I., Levin D. B. The main problems of modern international law/ed. D. A. Gaidukova. - M.: Gosyurizdat, 1958. - 358 p.

[9] Talimonchik V.P. The problem of liability of legal entities in international law//Journal of International Private Law = Journal of International Private Law. – 2010. – № 4 (70). - S. 3-17.

[10] Tunkin G.I. Theory of international law. - M.: International relations, 1970. - 512 s.

[11] Tsygankov P. A. Theory of international relations: a textbook. - M.: Gardariki, 2006. - 590 s.

[12] Chernichenko S.V. Theory of international law: in 2 vols. T. 1. - M.: NIMP, 2019. - 525 s.

[13] Chernichenko S.V. Once again about the international legal personality of individuals//Moscow Journal of International Law. – 2005. – № 4. - S. 11-21.

[14] Alvarez J. E. Are Corporations "Subjects" of International Law? // Santa Clara Journal of International Law. – 2011. – Vol. 9. – Iss. 1. – P. 1–45. - URL: https://digitalcommons.law.scu.edu/scujil/vol9/iss1/1 (access date: 17.12.2025).

[15] Brownlie I. Principles of Public International Law. 7th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 784 p.

[16] Chetail V. The Legal Personality of Multinational Corporations, State Responsibility and Due Diligence: the Way Forward // Privatizing War. Private Military and Security Companies under Public International Law / Ed. by L. Cameron, V. Chetail. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – P. 68–95.

[17] Crawford J. State Responsibility: The General Part. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 762 p.

[18] Fitzmaurice M. International Responsibility and Liability // The Oxford Handbook of International Environmental Law / Ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 1010–1035. - URL: https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199552153.013.0044 (access date: 30.11.2025).

[19] Karski K. Osoba prawna prawa wewnętrznego jako podmiot międzynarodowego. – Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2009. – 239 s.

[20] Lowe V. Corporations as International Actors and International Law Makers // The Italian Yearbook of International Law. – 2004. – Vol. 14. – P. 23–38.

[21] Nowrot K. New Approaches to the International Legal Personality of Multinational Corporations: towards a Rebuttable Presumption of Normative Responsibilities // ESIL 2018 Annual Conference (Manchester). - URL: https://esil-sedi.eu/wp-content/uploads/2018/04/Nowrot.pdf (access date: 30.11.2025).

[22] Portmann R. Legal Personality in International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 333 p.

[23] Schwarzenberger G. A Manual of International Law. 5th ed. – London: Stevens & Sons, 1967. – 552 p.

[24] On Third Party Liability in the Field of Nuclear Energy [international treaty]: Convention (Paris), 29.07.1960; On civil liability for nuclear damage [international treaty]: Convention (Vienna), 21.05.1963; On additional compensation for nuclear damage [international treaty]: Convention (Vienna), 12.09.1997

